

А. П. Сквородников

ЭКОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Монография

Институт филологии и языковой коммуникации

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

Александр Сковородников
Экология русского языка

«Сибирский федеральный университет»

2016

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

Сковородников А. П.

Экология русского языка / А. П. Сковородников — «Сибирский федеральный университет», 2016

ISBN 978-5-7638-3564-9

В монографии применительно к русскому языку дается в авторской интерпретации характеристика лингвоэкологии – междисциплинарного направления научных исследований языка в ракурсе негативных и позитивных факторов его существования и развития. Намечаются задачи лингвоэкологии, ее предметная область, наиболее значимая проблематика и терминологический аппарат. Книга адресована не только лингвистам-теоретикам, но и всем людям, которые профессионально или в силу гражданской позиции заинтересованы в благополучном развитии и функционировании русского языка.

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

ISBN 978-5-7638-3564-9

© Сковородников А. П., 2016

© Сибирский федеральный университет, 2016

Содержание

Предисловие	5
Список сокращений	7
Глава 1	8
1.1. Философия как методологическая база лингвоэкологии	8
1.2. О предмете и дефиниции лингвоэкологии	13
1.3. О разграничении понятий «экология языка», «экология речи» и «культура речи»	15
1.4. Определение лингвоэкологии и ее предметных рамок	17
Глава 2	24
2.1. О неоправданных лексико-фразеологических утратах	24
2.2. О выпадении церковнославянизмов из языкового сознания носителей русского языка	28
2.3. О сокращении лексического фонда выражения эмоций	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

А. П. Сквородников

Экология русского языка Монография

Предисловие

Ровно четверть века тому назад академик Д. С. Лихачев сказал знаменательные для нашего исследования слова: «Кажется, именно сейчас стал особенно актуальным вопрос о защите русского языка, о его охране. Это в интересах не только русских, но и всех, кто пользуется и будет еще долго пользоваться русским языком наряду со своим родным» (ЛГ. 30.10.1991). В наше время забота о русском языке как о национальном и государственном продолжает быть не менее актуальной, так как в условиях не всегда удачных социальных преобразований и информационной войны увеличилось количество угроз для России и всего Русского мира. Под угрозой оказался и русский язык, который стал одной из мишеней направленной против России холодной войны. Это обстоятельство, а не только исследовательский интерес, стало одной из причин, побудивших меня написать эту книгу, в которой использованы некоторые материалы моих публикаций прежних лет, а также результаты новых поисков и наблюдений.

Основные целеустановки книги – показать остроту общественного заказа на лингвоэкологические исследования и соответствующую социальную практику; сформулировать адекватное этому заказу определение лингвоэкологии как особого междисциплинарного научного направления (а в идеале – научной дисциплины); охарактеризовать в общих чертах его предметную область, выделив наиболее злободневные, с моей точки зрения, проблемы, и наметить некоторые пути их решения. Эти задачи обусловили структуру книги, тематику ее глав и некоторые особенности, на которые считаю нужным обратить внимание читателей.

1. Философия, «работающая» на высоком уровне абстракции и «схватывающая» самую суть вещей, рассматривается мной как одно из методологических оснований лингвоэкологии. Этим объясняется частое обращение к суждениям философов, содержащим продуктивные идеи или подтверждающим правильность тех или иных положений и выводов.

2. Поскольку язык является коллективной собственностью народа-языкотворца, я учитываю мнения не только профессиональных лингвистов, но и непрофессиональных носителей русского языка, озабоченных его судьбой. Множественность и однонаправленность суждений таких людей о языке и определяет то, что обычно называют социальным заказом, а также вектор этого заказа. Этим объясняется значительное количество предъявляемых показательных цитирований.

3. По своей природе лингвоэкология аксиологична, так как главный решаемый ею вопрос: что в языке и речи экологично, а что не экологично. В научном исследовании такая оценочность должна быть объективной, то есть строиться на основе убедительного количества достоверных фактов и логически безупречных аргументов. Я старался последовательно соблюдать это непреложное правило. Но поскольку русский язык – это мой родной язык и речь идет о его судьбе, я не мог быть абсолютно бесстрастным аналитиком изучаемых фактов, что обусловило известную долю допущенной мною публицистичности. Надеюсь, читатель отнесется к этому с пониманием.

Выражаю глубокую благодарность моим уважаемым рецензентам, взявшим на себя труд прочтения моего не малого по объему текста, за конструктивные замечания и полезные советы; благодарю также кафедру русского языка, литературы и речевой коммуникации и руководство Института филологии и языковой коммуникации СФУ за предоставленную мне возможность

подготовить и опубликовать мою книгу. Буду признателен всем, кто сочтет целесообразным высказать о ней свое мнение в той или иной форме (skarnat@mail.ru).

А. П. Сковородников

Список сокращений

- АиФ – «Аргументы и факты»
- АН – «Аргументы недели»
- ВС – «Вокруг смеха»
- КГ – «Красноярская газета»
- КК – «Красноярский комсомолец»
- КО – «Книжное обозрение»
- КП – «Комсомольская правда»
- ЛГ – «Литературная газета»
- ЛР – «Литературная Россия»
- МК – «Московский комсомолец»
- МКК – «Московский комсомолец в Красноярске»
- МН – «Московские новости»
- НГ – «Новая газета»
- НУЖ – «Новая университетская жизнь»
- РВ – «Русский Вестник»
- РГ – «Российская газета»
- РНЛ – «Русская народная линия»
- СГ – «Сегодняшняя газета»
- СК – «Советская культура»
- СР – «Советская Россия»
- ТД – «Твой Додыр»
- УГ – «Учительская газета»

Глава 1

К философским основаниям понятия и предметной области лингвоэкологии

Везде, где есть язык и есть человек, человек этот не только возвышается или уже возвысился над натиском мира, – но эта свобода от окружающего мира есть вместе с тем свобода по отношению к именам, которыми мы наделяем вещи, о чём говорится в Книге Бытия, сообщающей, что Адам получил от Бога власть давать имена вещам.

Х. Г. Гадамер

Философия, как религия, во все входит должна, и парения ее возвышают, подвигают все отрасли науки. <...> Лучи философии везде; везде она светит или согревает; следовательно, и от академической деятельности отнимать ее не должно.

А. И. Тургенев

1.1. Философия как методологическая база лингвоэкологии

Лингвоэкология, называемая иногда эколлингвистикой, – сравнительно молодая область междисциплинарного знания и научного поиска (родоначальником считается американский лингвист Эйнар Хауген [Haugen 1972], в России получила развитие в начале 80-х годов), в отношении предмета которой нет единого мнения у ее адептов, на что справедливо указывают многие (см., напр. [Бернацкая 2014; Ильинова 2010; Кравцов 2012; Полухин 2009; Потеряхина 2014; Сковородников 2013а; Соллогуб 2010]).

А. А. Бернацкая в статье «В поисках философии лингвоэкологии» справедливо замечает, что путем обращения к истории философии можно «наметить онтологические и методологические ориентиры формирования философии формирующейся дисциплины “лингвоэкология”» [Бернацкая 2014: 74]. Соглашаясь с этим, полагаем, что для более или менее обоснованного решения такой актуальной задачи, как определение контуров лингвоэкологической предметности и их основного наполнения, представляется целесообразным обратиться к философии, дающей общее видение мира, «на основе которого строятся видения частнонаучного характера как элементы более широкого целого – философского осмысления реальности» [Кохановский 1999: 197]. В своих «Прелюдиях» В. Виндельбанд по этому поводу заметил, что «в основе всех логических форм лежит идея связи частного с общим, зависимости первого от последнего. Все наше познание состоит в соединении наиболее общего с наиболее частным при помощи промежуточных звеньев, создаваемых размышлением» [Виндельбанд 1904: 227–228]. Об этом же говорит и В. В. Розанов: «Будучи цельным мировоззрением, она (философия. – А. С.) может дать созерцание и того частного, что предстоит исследовать, потому что частное всегда отражает в себе целое, имеет нечто аналогичное в своем строении и в своей сущности с этим целым, никогда не может быть чем-то совершенно разнородным с ним» [Розанов 2008а: 131]. Ср.: «Что же касается частных наук, то философский метод, будучи примененным в комплексе с другими методами, способен помогать им в решении сложных, фундаментальных проблем, “участвовать” в их предвидениях. Важное значение имеет участие философии в создании гипотез и теорий» [Алексеев, Панин 1998: 15]. С суждениями ученых Нового

времени о роли философии совпадают и мысли древних мыслителей, выражаемые иногда в образной форме: «Те, кто пренебрегает философией, занимаясь частными науками, похожи на женихов Пенелопы, которые, добиваясь ее, совокупляются с ее служанками» (Горгий Леонтинский, 483–375 гг. до н. э.). Ср.: «Но что же может вывести на путь? Ничего, кроме философии» (Марк Аврелий, 121–180 гг.).

Важно также учесть, что мы живем в эпоху всеобщей нестабильности, в том числе расшатанности языковых и нравственно-поведенческих канонов, системы общечеловеческих и национальных ценностей, а в такие периоды «идут интенсивные споры о языке. Причем язык становится объектом не столько лингвистических исследований, сколько философских дискуссий. Споры о языке неизбежно становятся философскими спорами» [Елистратов 1998: 59].

Все сказанное выше делает не только целесообразным, но и неизбежным обращение к философии при решении лингвоэкологических проблем.

Опирается следует прежде всего на так называемую предпосылочную функцию философии, которая понимается как «понятийная, или категориальная, поддержка науки», обеспечение ее «определенными содержательными представлениями, исходными тезисами» [Ушаков 2005: 13].

Таким образом, перед нами стоит задача так прочесть философские тексты, чтобы увидеть в них глазами лингвиста основу для определения статуса лингвоэкологии и обоснования или постановки той или иной лингвоэкологической проблемы.

Полагаем, что выводы о предмете лингвоэкологии, сделанные с опорой на суждения философов, должны быть основаны на так называемой строгой аналогии, которая стремится к тому, «чтобы было схвачено и выражено действительное, а не кажущееся сходство сопоставляемых объектов. <...> Информация о сходстве должна быть того же типа, что и информация, распространяемая на другой объект» [Горский и др. 1991: 13–14]. Другими словами, лингвоэкологическая интерпретация философского текста должна базироваться на принципе онтологического изоморфизма общего и частного.

В этой связи уместно обратить внимание на то, что обращение к философии помогает минимизировать роль субъективного фактора в исследовании, поскольку, как заметил Л. И. Шестов, «убеждения, столь необходимые в повседневной жизни, в философии допустимы лишь условно. Величайшая прерогатива философии – это свобода от убеждений, и без этой свободы вы никогда не проникните в мир сущности» [Шестов 1993: 268].

Заметим также, что под философами мы понимаем не только профессионалов в этой области, но и известных мыслителей вообще, в том числе выдающихся общественных и религиозных деятелей, писателей, ученых и т. д. Так, применительно к России следует иметь в виду, что русская философская мысль выражается часто не только в собственно философских работах, но и в художественных и публицистических текстах. Выдающийся русский философ XX века А. Ф. Лосев пишет об этом так: «Среди русских очень мало философов *par excellence*: они есть, они гениальны, но зачастую их приходится искать среди фельетонистов, литературных критиков и теоретиков отдельных партий. В связи с этой “живостью” русской философской мысли находится тот факт, что художественная литература является кладезем самобытной русской философии. В прозаических сочинениях Жуковского и Гоголя, в творениях Тютчева, Фета, Льва Толстого, Достоевского, Максима Горького часто разрабатываются основные философские проблемы, само собой в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме» [Лосев 1991: 213–214].

Сходные мысли находим у В. В. Розанова: «И, нам думается, насколько именно литература, а не школа и все школярское, есть деятельно просвещающая сила в нашей стране, – русская “философия” насколько она *есть, есть* (курсив Розанова. – А. С.) не в магистерских и докторских диссертациях, этом невольном литературном приложении к устному университетскому экзамену, но вот в таких и подобных этим маленьких, бесформенных, но полных “взрыв-

чатости» книжках» [Розанов 2008б: 151]. Ср. с аналогичными суждениями других известных ученых, например, А. С. Панарина [Панарин 2002: 222], Ф. И. Гиренка [Гиренок 2012], В. В. Варавы [Варава 2013].

Для нашего исследования методологически значимой является также мысль М. Минского о том, что метафоры и аналогии «дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы “в свете” другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области» [Минский 1988: 291].

В связи со сказанным нельзя пройти мимо следующих размышлений И. А. Ильина: «Тот, кто желает исследовать познание истины и установить, что есть верное знание предмета, – посвящает себя проблеме *очевидности* (здесь и далее курсив Ильина. – А. С.) и приступает к теории познания; он должен осуществить и накопить обширный и разносторонний *опыт очевидности*. <...> Акт очевидности требует от исследователя *дара созерцания* и притом *многообразного созерцания, способности к вчувствованию, глубокого чувства ответственности, исследовательского сомнения и вопрошания, упорной воли к окончательному удостоверению и живой любви к предмету*» [Ильин 1994: 500–501]. И далее: «Созерцать значит приблизительно то же самое, что “наблюдать”; но созерцание есть такое наблюдение, которое вчувствуется в самую сущность вещей. Созерцание можно было бы условно охарактеризовать, как “воображение”; но только созерцать – значит взирать *интенционально*; поэтому созерцание призвано вживаться в образы мира или в объективный состав каждого предмета – *ответственно и сосредоточенно*» [Там же: 543].

Этот «метод опыта очевидности», постулируемый философом, обязывает лингвэколога обеспечить количественную достаточность и качественную достоверность собранных для исследования фактов, как и их объективный анализ и оценку с точки зрения приемлемости/неприемлемости этих фактов, явлений и тенденций для языка как такового и языкового сознания его носителя и творца – народа. Последнее обстоятельство обязывает исследователя выработать аксиологические критерии, соответствующие принципам объективности и междисциплинарности (поскольку язык является системой, обслуживающей все аспекты жизни социума). Этот метод опыта очевидности предполагает, что определение лингвэкологии и ее проблемного поля, как и обоснование актуальности этой проблематики, должны опираться на значительный массив суждений как специалистов-лингвистов, так и представителей других профессий, озабоченных состоянием русского языка и речи. Таких суждений много в лингвистической литературе (см., напр. [Буряковская 2013: 322–323; Караулов 1995: 13–23; Костомаров 2012: 17–18; Васильев 2003: 119–126; Васильев 2010: 20–23; Сиротинина 2006: 5–14; Сиротинина 2011: 54–58; Русский язык и культура речи 2002: 5–12; и т. д.]), причем тревожную оценку состояния культуры русской речи, грозящего ущербностью русскому языку, находим, естественно, и в литературе собственно лингвэкологического содержания (см., напр. [Савельева 1997; Хазагеров 2013; Юдина 2010; Соллогуб 2010; Ильинова 2010; Никонов, Бианки 2011; Шаховский, Солодовникова 2013 и др.]). Что касается публицистики, то в центральной прессе постоянно появляются статьи и заметки о бедственном положении русского языка и русской литературы. Приведем несколько выдержек из характерных газетных публикаций, подчеркивающих разные аспекты общей проблемы и принадлежащие людям разных профессий: «... Чуткое ухо ученого, да и просто любящего свой язык человека с горечью заметит идущую ныне **варваризацию речи, ее огрубление и обеднение, искажение смыслов и значений многих слов** (здесь и далее выделено мной. – А. С.)» (ЛГ. 2011. № 36); «Опасность, которую несет в себе глобализация, многократно возрастает при “**языковой болезни**”, а она, на мой взгляд, в нашем обществе налицо. **Основные ее симптомы: низкая культура речи, падение “языкового авторитета”, резкое снижение языковой компетенции.** <...> **Небрежение нормой** начинает носить иногда характер демонстративный, а декларируемая свобода речевого поведения выражается **в отказе от каких-либо табу**. Ярким (но

далеко не единственным) показателем этого является беспримерное **расширение зоны употребления обценной лексики»** (ЛГ. 2012. № 6); **«Разрушение традиций классического образования, недооценка роли русского языка, русской литературы, русской истории в образовательном процессе <...> несет не только угрозу статусу России как интеллектуального и научного центра мира, но и реально понижает его»** (Завтра. 2012. № 24).

«Сейчас идет процесс разрушения единого культурного и языкового пространства (вернее – культурно-языкового, если помнить неразрывную связь языка и культуры), полифония превращается в какофонию, – пишет профессор МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Красных. – Не хочу никого пугать, но если этот процесс завершится, то это приведет к краху страны как единого целого. Как целостного историко-, социо-, культурно-языкового образования, имя которому Россия» (ЛГ. 2012. № 28); «Я 20 лет даю диктанты, но такого никогда не видела, – пишет Анастасия Николаева, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. – По сути дела, в этом году мы набрали инопланетян... Это национальная катастрофа!.. ЕГЭ уничтожил наше образование на корню. Это бессовестный обман в национальном масштабе... **Дети не понимают написанного друг другом. А это значит, что мы идем к потере адекватной коммуникации, без которой не может существовать общество»** (МК. 16.11.2009); «Как заявил глава Комитета Госдумы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками за рубежом Леонид Слуцкий (фракция ЛДПР), **“За последние двадцать лет в мире число людей, владеющих русским языком, уменьшилось с 350 до 270 млн человек. Русский язык активно и целенаправленно вытесняется не только из бывших союзных республик с их этнократическими политическими режимами (разумеется, за исключением Республики Беларусь, но это исключение, лишь подтверждающее общее правило) – он активно вытесняется из международной жизни вообще и из российской жизни в частности»** (Завтра. 2013. № 16). Журналист Леонид Радзиховский в статье «Геолингвистика» пишет: «Русский язык – основное национальное достояние России. <...> Наша минимальная обязанность – хотя бы не до конца растерять это богатство. Сохранить и передать хоть часть наследства русской культуры внутри страны» [Радзиховский 2008]. Владимир Толстой, советник Президента РФ: «Допущенное наступление на основу национальной идентичности – русский язык – стало, пожалуй, самой большой ошибкой. В результате наши дети говорят на чудовищной смеси жаргона социальных сетей и не вполне нормативной русской лексики. Мы рискуем получить поколение информированных потребителей, лишенных богатства русского языка, неспособных воспринять ничего из мировой и отечественной классической культуры, презирающих и прошлое, и настоящее своей страны и не связывающих с ней свое будущее. Возможно, именно так по чьему-то замыслу должны выглядеть граждане мира, но подлинными гражданами своей страны – России – они при этом точно не станут» [Толстой 2013]. XVIII Всемирный русский народный собор в своем итоговом «Соборном слове», отметив ряд угроз государственному единству России: конструирование квазиэтнотопосов («поморский», «сибирский» и тому подобные), псевдоисторических концептов, раскалывающих русских, противопоставляющих их друг другу; ослабление русского национального сознания, русской идентичности; отсутствие возможностей для полноценного этнокультурного развития русских; табуирование самого слова «русский» в официальной риторике и государственном документообороте; неуместное противопоставление русской национальной и российской общегосударственной идентичности, – призвал преодолеть допущенные ошибки, напомнил о «стратегической значимости русской культуры» и **необходимости «всемерной поддержки русского языка как родного для русских людей»** (выделено мной. – А. С.) [Соборное слово...].

Наконец, Президент России: «Повторю, забота о русском языке и рост влияния российской культуры – это важнейший социальный и политический вопрос» [Послание Президента... от 26 апреля 2007 г.].

Высказывания подобного рода можно продолжать цитировать, как говорится, до бесконечности. Даже если считать, что в цитированных текстах трагизм ситуации с русским языком несколько преувеличен, социальный заказ на лингвоэкологию очевиден, и он обращен и к лингвистам, и к государственным структурам, и к культурной части общества в целом. А исследователям лингвоэкологической проблематики философия дает общую ориентацию для выполнения этого заказа.

1.2. О предмете и дефиниции лингвоэкологии

У большинства пишущих на лингвоэкологические темы предмет этой формирующейся дисциплины связывается преимущественно с негативными процессами, происходящими в языке и речи, и, соответственно, только с идеей сохранения и защиты языка, а не его творческого развития (см., напр. [Полухин 2009; Кравцов 2012; Потеряхина 2014; Соллогуб 2010; Никонов, Бианки 2011; Бернацкая 2014 и др.]), что, естественно, отражается и в дефинициях лингвоэкологии (см. [Сущенко 2011: 57–60]). Поэтому возникает вопрос: насколько оправданно данное мной ранее такое определение лингвоэкологии, которое включает не только проблематику защиты и сохранения языка, но и его совершенствования и развития [Сквородников 1992, 1996, 2013а]. Для прояснения этого вопроса обратимся к философскому тексту.

Мартин Хайдеггер в книге «На вершинах нигилизма», сочувственно рассуждая о введенных Фридрихом Ницше ценностных понятиях «сохранение» и «возрастание», пишет: «Ницше проясняет: ценности по сущности своей – точки зрения, а потому одновременно всегда и условия сохранения, и условия возрастания. <...> Условием чего же служат ценности в качестве точек зрения, если в одно и то же время они должны обуславливать и сохранение, и возрастание? **Сохранение и возрастание характеризуют неотрывные друг от друга основные тяготения жизни. Сущность жизни немислима без желания роста, возрастания. Сохранение жизни всегда служит возрастанию. Если жизнь ограничивается самосохранением, она деградирует**» (выделено мной. – А. С.) [Хайдеггер 1993: 185].

Если это общее суждение о жизни, т. е. бытии, применить к частной сфере бытия – жизни языка, то логично заключить, что предметная область лингвоэкологии должна включать в себя и аспект сохранения, и аспект возрастания, то есть развития, совершенствования.

Не лишним будет обратиться и к «Письму о гуманизме» Мартина Хайдеггера, а именно к его известной метафоре «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек» [Хайдеггер 1998: 301]. Эту метафору М. Хайдеггера можно развить и вывести такое следствие: обитатель «дома бытия», homo loquens, и прежде всего лингвоэколог, может ограничиваться бережением и охраной своего обиталища, а может, как рачительный хозяин, прилагать усилия к совершенствованию своего дома – языка, разумеется, с учетом специфики его онтологии и закономерностей функционирования.

Идея необходимости не только сохранения, но и развития постулируется философами и для других сфер человеческой деятельности. Так, С. Н. Булгаков в своей «Философии хозяйства» утверждает, что содержанием творческой хозяйственной деятельности человека является «защита и расширение жизни (выделено мной. – А. С.), а постольку и частичное ее воскрешение» [Булгаков 1993:

131–140]. А Э. Фромм в книге «Революция надежды. Избавление от иллюзий», говоря об изучении системы «человек», обращает внимание на то, что «состояние благополучия человека можно объяснить эмпирически и объективно, как и состояние его неблагополучия; условия, способствующие благополучию, можно характеризовать точно так же, как и те, которые ведут к неблагополучию как физическому, так и умственному. <...> Мы должны взять в свои руки контроль над экономическими и социальными системами, а воля человека, направляемая его разумом и желанием быть оптимально активным, должна привести к желаемым результатам» [Фромм 2005: 114–115]. Спрашивается, разве язык не одна из подсистем системы «человек»? И если это так, то разве не имеет отношение к языку идея необходимости контроля за этой подсистемой для ее сохранения и развития? В наиболее обобщенном виде идея сохранения и развития всего сущего выражена в философии общего дела Н. Ф. Федорова в следующих словах: «Природа у нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою; в нас она достигает совершенства или такого состояния, достигнув которого она уже ничего разрушать

не будет, а все в эпоху слепоты разрушенное восстановит, воскресит. Природа, враг временный, будет другом вечным, когда в руках сынов человеческих она из слепой, разрушительной силы обратится в воссозидательную. *Задача сынов человеческих – восстановление жизни, а не одно устранение смерти* (курсив Федорова. – А. С.). В этом – задача верного слуги, задача истинных сынов Бога отцов, Бога Троиного, требующего от Своих сынов подобия Себе, братства или многоединства» [Федоров 1994: 272].

Таким образом, философия, на наш взгляд, склоняет нас к признанию целесообразности включения в целевую и предметную область лингвоэкологии проблематики совершенствования языка и его речевого воплощения, включая изучение и популяризацию языкового творчества.

Такая точка зрения на содержание лингвоэкологии подтверждается и суждениями ученых о предмете и функциях социальной экологии, частью которой, по сути дела, является лингвоэкология. Так, Л. А. Зеленов и его соавторы видят у социальной экологии четыре базовые функции: сохранение природы, восстановление природы, совершенствование природы и защиту человека от пагубного воздействия природных явлений [Зеленов и др. 2008: 374]. Полагаем, что все четыре функции социальной экологии, выделенные данными авторами, органичны для лингвоэкологии и могут и должны найти свое обоснование и практическое воплощение в лингвоэкологических исследованиях.

Мысли философов и социологов подтверждаются суждением авторитетного лингвиста-русиста, доктора филологических наук Л. И. Скворцова, одного из зачинателей лингвоэкологического направления в России: «В непрерывном своем обновлении и развитии русский язык и обогащается, и обедняется одновременно. В наши дни охрана языка от порчи, искажения, стилистического снижения и усреднения (нивелировки) перерастает в подлинно экологическую проблему – в заботу о формировании и поддержании здоровой, нормально развивающейся “языковой среды обитания”» [Скворцов 1991: 20].

Интересно отметить, что прокламируемые здесь задачи лингво-экологии отчасти совпадают с академическим подходом к языку в самом его зарождении. Так, созданное при Академии наук в 1735 году «Российское собрание» было учреждено «для поощрения и усовершенствования русского языка как в прозе, так и в стихах»; точно так же и «Вольное Российское собрание» было основано в 1771 г. «для исправления и обогащения Российского языка» [Успенский 1981: 12–13].

1.3. О разграничении понятий «экология языка», «экология речи» и «культура речи»

Этот непростой вопрос требует специального обсуждения. Сейчас же выскажу предварительное суждение, которое можно свести к следующему.

Экология языка исследует факты и процессы, негативно или позитивно влияющие на состояние и развитие языка как знаковой системы. **Экология речи** (или – точнее – экология речевого общения), в отличие от экологии языка, по своему объекту совпадает с **культурой речи**, понимаемой широко – как проблематика качеств речи, норм и компетенций речевого общения в их совокупности, но отличается от культуры речи аспектно. Если **культура речи** призвана заниматься данной проблематикой без определения того, к каким последствиям для языковой системы и ее носителей могут привести изучаемые речевые явления, то экология речи рассматривает эти процессы как раз с ориентацией на указанные последствия. Так, например, спор Смердякова и Григория в романе «Братья Карамазовы» можно анализировать с позиций культуры речи как образец демагогического спора с выделением соответствующих речевых тактик и языковых средств (что, кстати говоря, составит отличный тренинг); диалог Смердякова с Марьей Кондратьевной можно рассматривать как образец речевой культуры мещан определенной эпохи с выделением соответствующих языковых признаков этой культуры [Достоевский 1991: 144–148, 251–253]. Однако можно рассмотреть эти фрагменты романа как репрезентацию социальной болезни, получившей название «смердяковщины», которая, в частности, проявляется в отрицании значимости религиозной и национальной идентичности, что, как свидетельствует и наше время, имеет одним из следствий пренебрежительное отношение к родному языку (в данном случае – русскому), доходящее иногда до степени языковой русофобии. А это уже проблема не только экологии речи, но и экологии языкового сознания, а следовательно, и языка.

Или возьмем в сравнении фрагменты философских размышлений о языке и речи. Вот, например, максима 38 из знаменитых «Афоризмов житейской мудрости» А. Шопенгауэра, которая гласит: «Не оспаривай ничьих мнений, – помни, что если бы мы захотели разубедить кого-либо во всех нелепостях, в какие он верит, то можно было бы дожить до Мафусаиловых лет, не добившись этого.

Надо также воздерживаться в разговоре от всех, хотя бы самых доброжелательных, поправок: ибо задеть людей легко, исправить же трудно, если не невозможно.

Когда какой-нибудь нелепый разговор, при котором нам случится присутствовать, начинает раздражать нас, мы должны представить себе, что перед нами разыгрывается комическая сцена между двумя дураками. Это испытаннейшее средство. Кто явился в мире, чтобы серьезно наставлять его в важнейших вопросах, тот может почитать себя счастливым, если ему удастся уйти целым и невредимым» [Шопенгауэр 1993: 337]. Содержание этой максимы А. Шопенгауэра целиком относится к области культуры речи (культуры речевого общения) или, если угодно, к области практической риторики, но не экстраполируется в лингвоэкологический контекст.

Иное дело – воспоминания И. А. Ильина о послереволюционном юморе в Советской России: «Кто из нас не помнит этого неистощимого, отчаянного юмора, которым русские люди пытались преодолеть безумие и лишения первых лет. <...> Из уст в уста передавались хлесткие частушки: ходила по рукам бойкая “поэма”: “Маркс в России”, кончавшаяся тем, что Маркс публично плевал своему огромному памятнику в лицо; и самая смерть обозначалась словами “сыграть в ящик”... Отовсюду подмигивал людям юмор висельника...» [Ильин 1993: 220]. Это наблюдение И. А. Ильина имеет лингвоэкологическую составляющую, так как содержит информацию об изменении в лексико-фразеологическом составе выразительных средств рус-

ского языка, причем таком, которое закрепилось в его системе (см., напр., фразеологический оборот «в ящик сыграть» в [Большой словарь... 2004: 753]).

Таким образом, если культура речи сосредоточивает свое внимание на вопросах языковой нормы, оптимальной организации речи, ее коммуникативной эффективности и соответствующих компетенциях языковой личности, то лингвоэкология – на условиях и факторах благоприятного или неблагоприятного существования и развития языка как сложной полифункциональной системы и языкового сознания его носителей.

Основание для включения языкового сознания в компетенцию лингвоэкологии можно усмотреть в философских сочинениях, например, в таком утверждении: «Сознание и язык – две важнейшие составляющие человеческой личности, которые могут быть раскрыты только через познание друг друга, так как одно определяет развитие и существование другого. И все теории языка так или иначе проливают свет на развитие сознания, становление которого происходит в языке и благодаря языку. <...> Изучая воздействие языка на мышление, можно сказать, что как язык вызывается мышлением, так и мышление развивается через язык» [Лобанова Н.И. 2010: 82–84]. Этот аргумент становится еще весомей, если учесть, что главным образом «в языке и благодаря языку» формируется и сохраняется национальная ментальность и представление о национальной идентичности человека. Рассуждения на эту тему можно встретить и в современной российской прессе. Так, отвечая на вопрос корреспондента «Литературной газеты» о связи русского языка с сознанием русского человека, филолог, профессор Е. А. Костин говорит: «...для начала приведу примеры некоторых русских слов, которые во многом передают своеобразие мышления человека русского мира. Описывая, пытаюсь понять (осознать) генезис и содержание таких русских слов (суждений/высказываний), как “душа”, “тоска”, “правда”, “истина”, “любовь”, “надежда”, “воля”, “совесть”, “честь”, “грех”, “вина”, “судьба”, “рок”, “жизнь”, “смерть”, “грусть”, “веселье”, “терпение”, “дума”, “святость”, “старец”, “заступник”, “красота”, “странник” и ряда других, понимаешь, что они не только неприводимы в полном объеме и адекватно на другие языки, но и то, что в них имеется содержание, раскрывающее характер ума человека русского языкового сознания, его ментальность» (ЛГ. 2016. № 38).

В последнее время в связи с возникновением эмотивной лингво-экологии, основанной на постулате о «необходимости учета влияния эмоционального слова на здоровье человека посредством установления взаимосвязи между лингвоэкологией и валеологией» [Панченко, Штеба 2013: 5–7] и выделением таких категорий, как «экологичность/неэкологичность мышления», «экологичность/неэкологичность языка», «экологичность/неэкологичность речи», возникло такое ответвление науки о связи лингвистики и экологии, как *языковая экология* (в терминологии М. Халлидея), которое занимается изучением «эргономического аспекта влияния информационных потоков на здоровье человека <...> при котором языки и тексты рассматриваются с точки зрения их “экологичности” для человека и общества» [Ионова 2011: 190–192]. Суть этого направления можно выразить такими номинациями, как «терапевтическая лингво-экология» или «лингвовалеология».

1.4. Определение лингвоэкологии и ее предметных рамок

В подавляющем большинстве существующих отечественных исследований в определении понятия «лингвоэкология» (эколингвистика) ключевыми являются слова «озаботиться», «забота», «охрана», «защита», «оздоровление» и под. (см. [Сущенко 2011: 57–60]). Однако, имея в виду, что язык нужно не только охранять, но можно и нужно способствовать его развитию, я в разное время дал несколько дополняющих одна другую дефиниций лингвоэкологии [Сквородников 1992: 110; 1996: 46; 2003: 293–294]. Не отказываясь в принципе от данных определений, но продолжая линию их уточнения, предложу следующее определение: лингвоэкология – это область и направление междисциплинарных исследований языка и речи с экологических позиций, тесно взаимодействующие с рядом лингвистических дисциплин (таких как социолингвистика, этнолингвистика, этнопсихология, психолингвистика, лингвокультурология, юрислингвистика, лингво-конфликтология, политическая лингвистика), а также с философией, политологией, общей историей и историей конкретных народов. Предметом лингвоэкологии является исследование состояния языка как сложной семиотической системы, обусловленное качеством среды его обитания и функционирования, а также языкового сознания его носителей. Соответственно, конечная задача лингвоэкологии – поиск или выработка средств и методов защиты языка, речи и языкового сознания от негативных воздействий, с одной стороны, и источников, методов и средств их обогащения и развития, с другой.

Широкое понимание лингвоэкологии позволяет выделить такое ее «валеологическое» ответвление, как эмотивная лингвоэкология, основная задача которой – изучение влияния языка и речи на физическое и психическое здоровье человека.

Особенностью подхода к фактам языка и речи с позиций лингво-экологии является их социально-экологическая оценка с учетом исторических условий и тенденций развития данного языка, факторов системы и нормы, критериев социокультурного, политико-экономического, этического и эстетического порядка. Здесь необходимо сделать два замечания. Во-первых, неслучайно в определении лингвоэкологии включено понятие «языковое сознание социума». Представляется, что травма языку может быть нанесена только в том случае, если травмировано сознание народа, говорящего на этом языке. Это подтверждается фактами и суждениями специалистов. Так, например, В. С. Елистратов (доктор культурологии, филолог-русист, лексикограф, писатель) пишет: «...А насчет засорения-незасорения отвечу так, как ответил бы любой лингвист: засорить язык нельзя, можно засорить и опошлить свою речь, **а затем неизбежно – мозги и сердце. Свои и того, кто тебя слушает**» [Елистратов 2012]. Полагаю, что эту мысль в нашем контексте следует дополнить таким образом: «...а засорение и опошление мозгов неизбежно отразятся не только на качестве речи, но и на качестве языка, потому что язык и сознание – взаимообусловленные сущности». Вспомним слова философов: «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [Маркс, Энгельс 1955: 29]. Ср.: «Человек, живущий в мире, не просто снабжен языком как некоей оснасткой – но на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир. <...> Язык, в среде которого вырастает человек, определяет вместе с тем его связь с миром и отношение к нему» [Гада-мер 1988: 263]. Следовательно, лингвоэкология с неизбежностью должна заниматься не только сбережением и развитием национального языка, но и сбережением и развитием национального языкового сознания, национальной языковой картины мира. На практике эти идеи соответствуют, в частности, требованиям сохранить в преподавании русского языка и литературы функцию формирования гражданской и национальной идентичности, национального культурного кода, прозвучавшим

на заседании Ассоциации учителей русского языка и литературы в Общественной палате РФ 24 июня 2014 года (см. статью Александра Николаева «Литература как доблесть» // ЛГ. 2014. № 27).

Во-вторых, никакая, даже самая совершенная, дефиниция лингвоэкологии не может дать **конкретного представления** о ее предметной области в силу многоаспектности последней. Поэтому целесообразно дополнить дефиницию лингвоэкологии перечнем хотя бы основных проблем, на решение которых нацелена эта дисциплина. Более или менее полная инвентаризация и классификация этих проблем – задача специального исследования, в том числе перманентного мониторинга, ввиду динамики состояния и развития языка. Не претендуя на решение такой глобальной задачи, перечислим темы и вопросы, которые представляются экологически значимыми авторам привлеченных нами публикаций.

Начну с того, что еще в 1992 году на основе немногочисленной тогда лингвоэкологической литературы и личных наблюдений я выделил ряд «болевых» участков речи/языка, многие из которых не потеряли актуальности. Были затронуты такие вопросы, как забвение семантически ценных слов и фразеологизмов; семантическая ущербность словоупотребления, в некоторых случаях получившая отражение в словарях; синдром заимствований; утрата знаковой целесообразности в сфере аббревиации; проблема идеологических речевых штампов, связанная с мифологизацией общественного сознания; эвфемизация речи как одна из примет тоталитарного общества; производство и «навешивание» политических ярлыков как проявление языковой агрессии; проблема «канцелярита»; распространение сквернословия в публичных сферах речевого общения; технократизм и негуманистичность социальной мысли, порождающие языковой цинизм («лингвоцинизмы»); жаргонизация и вульгаризация речи, поставившие в повестку дня проблему так называемой демократизации языка;

вопрос о реабилитации и реставрации утраченных языковых ценностей в связи с проблемой «языкового расширения», поставленной А. И. Солженицыным [Русский словарь... 1990: 3–6]; исследование творческих механизмов языка и их популяризация [Сквородников 1992: 104–111]. Не возвращаясь в целом к обсуждению перечисленных проблем, считаю необходимым сделать некоторые краткие добавления к этому перечню с учетом «текущего момента» (подробнее некоторые вопросы будут рассмотрены в следующих главах).

1. Оскудение словарного запаса в языковом сознании значительной части русскоговорящих особенно проявляется сейчас в так называемом устаревании некоторых книжных слов и выпадении из лексикона многих (очень многих!) фразеологизмов (проблема лексико-фразеологических лакун).

2. В связи с этим проблема лексико-фразеологической «реанимации», то есть восстановления в качестве функционирующих единиц слов и фразеологизмов, **действительно** вышедших из употребления даже носителей элитарной речевой культуры, но представляющих определенную семиотическую ценность.

3. Феномен развития идеологической и оценочной амбивалентности в осмыслении и толковании ключевых слов-концептов российского общественно-политического дискурса. В нем функционирует целый набор слов и словосочетаний терминологического типа, содержание которых понимается и оценивается противостоящими идеологическими группами по принципу «наоборот», в противоположных аксиологических планах.

4. Манипулятивное использование общественно-политических терминов, состав которых со временем частично меняется. Проследить устойчивость этого явления можно, обратившись, например, к газетным публикациям последних лет, к текстам радио, телевидения, интернета.

5. Проблема так называемой информационной войны, изучение ее языкового аспекта – одна из задач лингвоэкологии, без решения которой нельзя обеспечить информационную безопасность страны.

6. Проблема полезных и вредных символов и мифов в их языковом выражении, а также проблема именования и переименования исторических и географических объектов.
7. Проблема языковой русофобии, представляющая собой часть русофобии как таковой.
8. Экология русской классической литературы как неотъемлемой части экологии русского языка и национального самосознания.
9. Лингвоэкологический аспект проблемы коммуникативных компетенций и типов речевой культуры.
10. Лингвоэкологически взвешенный подход к решению таких «вечных» вопросов, как иноязычные заимствования и жаргонизация речи.
11. Проблема языкового постмодернизма и конфликт языковой/речевой этики и эстетики.
12. Лексические и фразеологические новации в контексте лингвоэкологических критериев приемлемости/неприемлемости.
13. Место и роль церковнославянского языка в развитии современного русского литературного языка.
14. Языковой пуризм. Языковой модернизм. Языковая мода. Языковое табуирование.
15. Языковые фетиши и языковые ярлыки.
16. Плюсы и минусы эвфемизации речи.
17. Изменения в коннотативных характеристиках социально значимых слов. Пополнение инструментария языковой оценочности.
18. Расширение старых и образование новых синонимических рядов, рост дублетности.
19. Возникновение лексико-семантических фикций (денотативной неполноценности слова).
20. Стилевая и жанровая эклектика и диффузия.
21. Лингвистический цинизм как отражение социального цинизма.
22. Языковой стандарт и языковая экспрессия: динамика соотношения. Развитие системы выразительных средств языка.
23. Проблема становления лингвоэкологической понятийно-терминологической системы.
24. Совершенствование языковой политики государства на основе лингвоэкологических идей.
25. Формирование у граждан России лингвоэкологического мировоззрения. Создание лингвоэкологической концепции преподавания филологических дисциплин в средних и высших учебных заведениях.

Разумеется, представленные выше тезисы не исчерпывают проблематику лингвоэкологии вообще и в применении к современному русскому языку в частности. В публикациях собственно лингвоэкологической тематики, а также в таких, которые имеют то или иное отношение к речевой культуре, можно найти большое количество указаний на проблемы лингвоэкологического свойства, которые отчасти перекликаются с вышеозначенными. Перечислим лаконично те, которые попали в поле нашего зрения при подготовке настоящей главы: создание «охранной службы языка» [Караулов 1995: 20], «переименование этноисторического пространства», «искажение антропонимических традиций», «обрыв традиции речевого этикета», «проблема лингвистического просвещения населения» [Савельева 1997]; отсутствие продуманной и действенной языковой политики [Горбаневский и др. 1999: 11–15]; несовершенство стилистических помет в словарях [Шапошников 1998: 223–232]; языковая личность политического деятеля [Колесов 1999: 154–262]; языковая мода, языковой вкус, «либерализация языка», «расшатывание нормы», «повышенная вариативность языка» [Костомаров 1999: 127–306]; феномен «олбанского языка», «тенденция к диффузным значениям <...> в ущерб “разведению” синонимов», недостатки в лексикографической кодификации норм [Сиротинина 2011:

56–57]; необходимость модификации концепции культуры речи в связи с изменениями языковой концептуализации мира [Шмелев 2011: 92–94]; семейное воспитание языковой личности, связь экологии языка и речи с «экологией духовной культуры, экологией культурно-исторических традиций» [Журавлев 2003: 70–71, 75];

роль лингвоэкологических факторов в преподавании языка [Хроленко 2004: 126]; недостаточность русского речевого этикета [Руделев 2012]; в том числе тенденция к устранению отчества из наименования людей [Формановская 2012: 67–77]; проблема языковой представленности этических ценностей [Этика речевого поведения... 2009]; поиск оптимального баланса между лингвистическим многообразием и языковой интеграцией [Юдина 2010: 215–219]; гламурная стилистика в СМИ [Куницына 2008]; эколингвистические проблемы современного города [Шарифуллин 1997]; «жажда экспрессии» и ее неоднозначные последствия [Солганик 1996]; проблемы идеологизации языка СМИ [Клушина 2008: 98–203]; лингвоэкологическое воспитание личности [Скворцов 1996: 16]; криминализация языка [Кара-Мурза 2012б: 487];

разработка специальной эколингвистической методологии [Полухин 2009]; организация эколингвистического мониторинга [Шамне, Карякин 2011]; выявление принципов и условий экологичности общения [Ильинова 2010]; проблема разграничения предметного содержания макроэколингвистики и микроэколингвистики [Потеряхина 2014];

языковые права человека, Интернет как фактор «разрушения естественного лингвистического разнообразия» [Леонтович 1994]; «вопрос о роли эмоциональной составляющей и ее влиянии на экологическую/неэкологическую коммуникацию» и здоровье человека [Панченко 2012; Шаховский 2007]; «речевое убийство», «речевое хулиганство», «речевое воровство», «речевое мошенничество»; «экологический кризис и экологическая катастрофа в сфере языка», исчезновение неконкурентных языков, описание форм языковой интеграции, языковая толерантность, разработка принципов межкультурной коммуникации, изучение энергетического потенциала языка и создаваемых на нем речевых произведений [Ионова 2010]; проблема законотворчества о языке [Васильев 2006].

Перед нами неполный и неструктурированный по какому-либо основанию перечень лингвоэкологических проблем разной степени теоретической и практической значимости. Важная задача лингвоэкологии как «молодой» научной дисциплины – составление по возможности более полного перечня наиболее существенных собственно лингвоэкологических проблем, а также его периодическое обновление в связи с тем, что лингвоэкологическая ситуация со временем изменяется. Таким образом, определение предметной области лингво-экологии – вопрос принципиально не закрытый, а подлежащий постоянной корректировке. Кроме того, этот перечень должен быть структурирован, по крайней мере, по двум основаниям: по степени теоретической значимости и разработанности лингвоэкологических проблем (для ориентации лингвоэкологов-исследователей) и по степени социальной значимости (для лингвоэкологов-практиков: учителей, преподавателей, журналистов и людей других профессий повышенной языковой ответственности).

С проблемой определения предметной сферы лингвоэкологии связан вопрос становления терминологии этой науки, поставленный мной в 1996 году [Сквородников 1996: 46–47]. Он нашел свое развитие в создании пока единственного «Словаря-справочника лингвоэкологических терминов» [Сущенко 2011], в котором, наряду с собственно лингвоэкологическими терминами, содержатся термины из других областей языкознания, а также разные материалы, полезные для людей, озабоченных совершенствованием своей речевой культуры. Очевидно, что словарь собственно лингвоэкологических терминов может быть создан после того, когда будет с достаточной полнотой определено и тематически структурировано предметное поле лингвоэкологии. Предварительные соображения по поводу лингвоэкологической терминологии изложены в последней, 11-й, главе.

Проблема дефинирования лингвоэкологии, определения ее целеполаганий и предметной области связана с вопросом о том, как правильнее назвать эту область исследований. Единства мнений по этому вопросу нет: используют либо термин *лингвоэкология*, либо термин *эколингвистика*. Причем одни под этими терминами подразумевают одну и ту же исследовательскую область, другие – разные. Эта терминологическая дилемма и направления современной науки об экологии языка довольно подробно охарактеризованы в ряде публикаций (см., напр. [Бернацкая 2003; Ионова 2010; Курашкина 2016]).

Поэтому, не вдаваясь в подробное рассмотрение этих различий, объясню, почему я не отождествляю эти терминопонятия и предпочитаю использовать в качестве названия формирующейся дисциплины термин *лингвоэкология*.

Логика здесь такова. Смысловым аналогом термина *лингвоэкология* является словосочетание *экология языка* (иногда синонимом последнего выступает *языковая экология*), смысл которого заключается в том, что речь идет о таком ответвлении (направлении) экологии, объектом изучения которого является язык (ср.: лингвокультурология). По аналогии термин *эколингвистика* должен был бы обозначать такое ответвление (направление) лингвистики, объектом изучения которого является экология в своем языковом аспекте (ср.: медиалингвистика). Кстати, замечу, что в связи с чрезвычайной важностью экологии для выживания человечества вполне возможно появление такой науки в ближней перспективе. Что касается термина *лингвоэкология*, то выбор его демонстрирует также уважение к сложившейся в России терминологической традиции, заложенной в 80-х годах прошлого века.

Еще вопрос, на который мне хотелось бы обратить внимание читателей, это **вопрос о научной легитимности лингвоэкологии**, поскольку она до сих пор находится в состоянии полупризнанности. Это обстоятельство является следствием разного понимания лингвистами сущности языка: «Лингвист, принявший концепцию об имманентной сущности языка или <...> поставивший себе целью описать организацию его внутренней структуры, не станет обращаться к фактам и аргументам внеязыковой сферы, полагая их несущественными для данного типа исследования <...>. Напротив, языковед, рассматривающий свой объект как систему, которая функционирует во времени, в пространстве и в обществе, будет стремиться учесть это взаимодействие и иначе определит существенность фактов и явлений, отбираемых для описания и теоретического осмысления» [Степанов 1988: 55].

Кроме того, существует распространенная точка зрения, рассматривающая язык как саморегулирующуюся и, следовательно, самоочищающуюся систему. Отсюда у лингвистов разные точки зрения на экологическую ситуацию с русским языком, подчас противоречащие одна другой, например: «Для нас сейчас актуально лишь то, что и в разговорном, и в книжном языке много избыточности, устаревающего и новейшего, необходимого и ненужного, прекрасного и отвратительного. <...> Борьба за однозначную, устойчивую норму стала казаться бесперспективной, суетной, кроме разве чисто учебных ситуаций. Коварство вольнолюбиво-освободительных устремлений покушается на объединяющую роль твердого канона конкретных слов, форм и других единиц выражения, который только и способен удержать язык от рыхлости и развала, блюсти историческую преемственность, взаимопонимание, национально-языковое сплочение» [Костомаров 2012: 14–17]. Ср.: «Язык – это самонастраивающаяся система средств (лексических, морфологических, синтаксических, стилистических). Она живет по своим законам, хотя и подвержена непрямому действию внелингвистических факторов. Непрямому – потому что языковая система представляет собой фильтр, причем очень надежный. Его преодолевает только то, что соответствует структуре и законам самого языка, то, что целесообразно с этой точки зрения, а не с позиций нашего вкуса и предпочтений» [Константинова 2014].

Иногда подобного рода противоречивые суждения оказываются в одном и том же тексте. Так, в учебном пособии А. Т. Хроленко и В. Б. Бондалетова «Теория языка» (М.: Флинта: Наука, 2004), в главе 17 «Экология языка» можно прочесть такие суждения: «Сейчас много

размышляют о причинах деградации русской речи. Циничное использование языка для пропагандистских целей лишило язык жизни. Именно в официальных письменных текстах наиболее очевидна деградация русского языка» (С. 397); «Русский язык попрежнему “велик и могуч”, его лексический инвентарь, запас выразительных средств и возможностей колоссальны и продолжают расти. Русский язык (выделено авторами цитируемого текста. – А. С.) как коммуникативный феномен не требует никакой защиты – ни юридической, ни моральной. <...> Моральной, филологической, а иногда и юридической защиты требует наша речь» (С. 399); «Защита языка – дело коллективное, национальное, но эффективной она может быть только при условии личной активности каждого носителя языка» (С. 400).

Эти разночтения не отменяют того факта, что в конце концов системные изменения в языке происходят под влиянием изменений в речи, когда последние приобретают массовый и долговременный характер, а состояние речи, в свою очередь, зависит от состояния творящего эту речь социума. В силу всего сказанного выше полагаю, что ситуация с русским языком и русской классической литературой, сложившаяся в современной России, не дает оснований для безмятежного существования филологов-русистов. Думаю также, что количество и уровень имеющихся лингвоэкологических исследований побуждают согласиться с теми, кто считает, что «сегодня о лингвоэко-логическом направлении (“эколингвистике”) можно говорить не в терминах гипотетического будущего времени, как о лакуне в лингвистике, а как о научной отрасли, заявившей свои права на самостоятельное существование и занявшей определенную лингвистическую нишу» [Панченко 2012: 124–125]. Причем соглашусь с тем, что «экологический подход правомерен не только в предельных, критических ситуациях. Он может рассматриваться как необходимая гарантия от возникновения таких ситуаций, когда лингвисту не остается ничего иного, как констатировать гибель языка. <...> Лингвоэкологический подход актуален и в плане языковой прагматики, где имеют место современные проблемы информационной безопасности и языкового насилия» [Шапошников 1998: 226].

В заключение хочу обратить внимание читателей на то, что, рассуждая о состоянии русского языка и перспективах его развития, лингвисты обычно обходят вниманием вопрос о его творце и основном носителе – русском народе, факт угасания которого достаточно очевиден (критическое положение русского народа на протяжении последнего столетия стало предметом обсуждения во многих публикациях. См., напр.: [Сорокин 1994: 418–491; Шафаревич 1991: 503–515, 541–548; Распутин и др. 1993: 27–59; Солженицын 1998; Кара-Мурза 2012б; Орлова 2007: 66–93 и др.]).

Спрашивается, можно ли гарантировать сохранение и успешное развитие русского языка при таком состоянии русского народа? Ясно, что ответ на этот вопрос выходит далеко за пределы лингвистики, но поставить его – не только задача, но и моральный долг лингвистов-русистов. И каким бы ни был ответ на этот вопрос, становится еще более несомненной значимость лингвоэкологических исследований как в теоретическом, так и в практическом отношении, так как эти исследования могут и должны служить базой для формирования научно обоснованной языковой и национальной политики в законодательстве, СМИ, образовании, градостроительстве и т. д.

Некоторые выводы

Подводя итог всему сказанному в этой главе, можно сделать, по крайней мере, такие выводы. Обращение к философским, лингвистическим, публицистическим текстам как источникам лингвоэкологических идей позволяет:

1) определить лингвоэкологию как междисциплинарную науку с доминирующим лингвистическим ядром и такими задачами, как сохранение и развитие языка, языкового сознания и, как следствие, здоровья их носителей;

- 2) уточнить и расширить предметные рамки лингвоэкологии;
- 3) обосновать уже найденную наукой лингвоэкологическую проблематику, а также наметить в этой научной дисциплине новые проблемы и аспекты исследования;
- 4) предложить предварительное решение вопроса о разграничении таких понятий и соответствующих направлений научного поиска, как экология языка, экология речи, культура речи;
- 5) утвердиться в наличии и актуальности мощного социального заказа на лингвоэкологические исследования.

Завершая главу, замечу, что некоторые исследователи считают, что «важнее оценить практическую полезность и перспективы некоторой теории или модели, чем углубляться в онтологические дебаты относительно ее обоснованности» [Баксанский, Кучер 2004: 54]. С этой мыслью можно согласиться, если речь идет о теории или научном направлении, которые обрели уже статус общепризнанности. Что же касается лингвоэкологии, то ей еще предстоит завершить этап научной легитимизации и определиться в границах своей предметности.

Теперь перейдем к рассмотрению наиболее актуальных частных проблем лингвоэкологического характера с учетом их философского обоснования.

Глава 2

Лексико-фразеологические утраты в языковом сознании носителей современного русского языка и некоторые источники его обогащения

Жизнь упрощается, потому что упрощается самый дух человеческий: история, вся культура становится элементарна <...>. Все слишком глубокое, слишком сложное, слишком нежное и деликатное в идеях, в желаниях, в ощущениях непонятно и трудно стало для человека; и от этого такими усилиями выработанное в истории неустойчиво опадает с него.

В. В. Розанов

Если современный человек населяет обедневшие воды рек тучами рыб, то языководство дает право населять новой жизнью, вымершими или несуществующими словами оскудевшие волны языка. Верим, они снова заиграют жизнью, как и в первые дни творения.

Велимир Хлебников

2.1. О неоправданных лексико-фразеологических утратах

Конрад Лоренц обратил внимание на одну из отличительных черт современной цивилизации: «Разрыв традиций. Он наступает, когда достигается критическая точка, за которой младшему поколению больше не удастся достигать взаимопонимания со старшим, не говоря уже о культурном отождествлении с ним» [Лоренц 1998: 59]. Этот разрыв с традицией распространяется, естественно, и на язык, на что обратил внимание лингвист, академик РАО, профессор В. Г. Костомаров, сказав, что «уже слышны жалобы старших носителей литературного языка, перестающих понимать младших» [Костомаров 2012: 17]. К этому следует добавить, что и младшее поколение перестает понимать, а следовательно, и наследовать культуру и моральные ценности старших. Это создает непосредственную угрозу национальной безопасности народа в целом: «Устрани общительность, и ты разорвешь единство человеческого рода, на котором покоится жизнь человека» (De benef., IV, 18) [Антология мировой философии].

Ситуация языкового отчуждения поколений возникает не только вследствие появления в речи молодого и среднего поколения большого количества новых слов (в том числе англоязычного происхождения), но и потому, что в силу ряда причин (порочная система образования, потеря культуры чтения, влияние внедряемой по разным каналам массовой культуры потребления, негативная роль рекламы и т. д.) многие слова и фразеологизмы, особенно книжного происхождения, выпали и продолжают выпадать из языкового сознания новых поколений. Этот процесс, в частности, отражается в многочисленных прямых и косвенных высказываниях на эту тему в «перестроечной» и «постперестроечной» прессе. Например: *Я рада буду ежемесячно вносить средства на такой счет. По-моему, наши люди откликнутся. Хотя некоторые считают, что благотворительность устарела* (здесь и далее выделено мной. – А. С.) (СК. 09.04.1987); *Сироты, больные, страждущие... Разве их нет у нас? Мы как-то отучились от милосердия* (Там же); *Мне хотелось бы вступить за старое русское слово «благотворительность»*. <...> *С некоторых пор оно незаслуженно стало употребляться лишь с ироническим оттенком* (Там же); *...Или вот еще пропали понятия чести и греха. То есть*

их уже давно не было, но сейчас даже не вспоминается, что не было (МН. 20.10.1991); *Испоганены и опошлены понятия – гуманизм, социализм, совесть, душа, бог, правда, честь, истина, жалость. И что же – нам от них отказаться навсегда?* (ЛР. 14.04.1989); *Скромность* объявляется комплексом неполноценности, *целомудрие* – позором. <...> *Необходима скорейшая реабилитация таких вековых национальных ценностей, как трудолюбие, совестливость, нестяжательство и любовь к Отечеству* (ЛР. 10.06.1994); *Кто-то в его присутствии сказал по поводу «путешествия дилетантов»: «Не понимаю, что это за проза». И Юлий ответил: «Ну как вы не понимаете, это же возрожденный жанр милосердия»* (выделено автором цитируемого текста. – А. С.). *Слово «милосердие» я услышала тогда впервые. До этого лишь читала его в романах XIX века* (выделено мной. – А. С.) (КО. 1989. № 16); *Еще, кажется, недавно можно было услышать: «Стыдно-то как, господи!», «Со стыда сгореть можно!». Теперь не сгорят, не воспламятся. <...> Прежде бытовало выражение «совесть заела». Если бы сейчас совесть стала заедать, она бы не съест скольких сожрала! Но, судя по всему, ожидать этого пока не приходится* (выделено автором цитируемого текста. – А. С.) (АиФ. 26.02.2015); *Когда-то было в нашем народе удивительное слово – «приголубила»... (Русский Дом. 2014. № 5); Но, размышляя о причинах и следствиях всех этих бед, невольно опять обращаешься к нравственному, а точнее – все более безнравственному состоянию нашего общества. Само слово-то это, нравственность, давно уж почти не звучит у нас в общественном обиходе, и многим, особенно молодым, наверное, кажется абсолютным анахронизмом* (выделено мной. – А. С.) (ЛГ. 2015. № 16).

Как видим, в газетах констатируется не только факт забвения многих слов этического содержания, но и делаются попытки объяснить социальные причины этого процесса. Так или иначе, дело дошло до того, что постулат «Любой язык сохраняет от забвения историческую традицию» [Уайтхед 1990: 365] в данном случае дает сбой.

«Бег человечества наперегонки с самим собой, подстегивающий гибельное для нас все ускоряющееся развитие техники, делающий людей слепыми ко всем подлинным ценностям и не оставляющий им времени для подлинной человеческой деятельности – мышления» [Лоренц 1998: 15] создает вакуум этических понятий и соответствующих им слов. О духовном обеднении личности прямо высказываются такие философы, как И. А. Ильин, А. Н. Бердяев: «... Люди Нового времени изошрились в изучении материальной природы и в технических изобретениях и незаметно оказались в состоянии детской беспомощности в вопросах духовного опыта, духовной очевидности и духовных умений» [Ильин 1996: 65]; Технократизм, характерный для нашего времени и обычно сочетающийся с идеологией потребления, порождает односторонность развития человеческой психики с преобладанием прагматического рационального начала над эмоциональным и духовным, то есть здесь мы имеем дело с личностью, деградирующей духовно, ибо «личность есть категория духовная, а не натуралистическая, она принадлежит плану духа, а не плану природы, она образуется прорывом духа в природу» [Бердяев 1994: 296]. Страдает личность человека, коль скоро «... личность есть самость, как она стоит перед лицом высших, духовных, объективно значимых сил и вместе с тем проникнута ими и их представляет» [Франк 1990: 409].

Духовная деградация человека, то есть утрата духовных ценностей, влечет за собой и деградацию так называемой языковой личности. Особенно эта деградация духовности заметна в сфере этических понятий и соответствующей лексики. Зададим себе вопрос: «Когда я последний раз слышал(а) в молодежной (и не только!) среде, сформированной массовой культурой, такие слова, как *благоговение, благодать, верность, воздержание, грех и греховность, добродетель, духовность, искупление, кротость, миролюбие, незлобивость, нестяжание, ответственность, откровение, покаяние, почитание, праведность, преображение, раскаяние, святость, сердечность, скромность, служение* (в отличие от службы), *смирение, совесть, созерцание, созидание, сострадание, умиротворение, целомудрие* и т. п.?» Думаю, что ответить

положительно на этот вопрос будет очень непросто. А ведь перечисленные слова обозначают ценности национальной (и более того – общехристианской) этической культуры, значимость которой для благополучия социума нельзя переоценить (см. об этом в [Вышеславцев 1931]). Но если «уходят» слова, то уходят и выражаемые ими понятия, а значит, «съеживается» и этическое сознание тех, для кого эти слова перестали существовать.

В данном ракурсе весьма интересны наблюдения доктора философских наук Леонида Когана, опубликованные в разгар «перестройки» (1986 г.): «Нельзя не пожалеть, что сравнительно редко и не во всей своей масштабности, многомерности употребляются теперь в обиходной и литературной практике наряду с понятиями “дух” и “душа” такие производные от них слова и словосочетания, как душевность, задушевность, одухотворенность, великодушные, прямодушные, совестливость, чистосердечность, непосредственность, искренность, откровенность, сокровенность, беззастенчивость, возвышенность (духовная высота), духовная жажда, окрыленность, душевный покой, душевная глубина, душевный порыв, душевное горение. <...> Реже, чем хотелось бы, встречается ныне и гнездо слов, группирующихся вокруг понятия “добро”: доброжелательность, добросердечие, добродушие, добропорядочность, добросовестность, добронравие, добродетель и связанные с ними человеколюбие, милосердие, отзывчивость, участливость, жалость, сострадание, приязнь, признательность, верность, постоянство, деликатность, учтивость, укоризна, стыд (в противоположность бесстыдству), раскаяние, испуление.

<...> Не очень, пожалуй, заметное место занимают понятия доброты и в шкале нравственных ценностей, которыми оперируют профессиональные этики-философы. То же относится к родственной группе слов, восходящих к корню “благо”: благожелательность, благосклонность, благорасположение, благотворность, благодеяние, благодарность, благородство, благоразумие, благовоспитанность, благопристойность, благоговение и др. Редкое использование этих и других близких им слов-значений не только обедняет наше повседневное общение, но и приглушает, обесцвечивает духовно-душевную палитру, возможности нравственного воспитания и самовоспитания» [Коган 1986].

Заметим, кстати, что большая часть вышеприведенных слов по происхождению являются церковнославянскими или образованы по церковнославянской модели с использованием соответствующих «строительных элементов».

Об обеднении словаря современников говорит писатель Андрей Битов: «Слова умирают, слова замирают <...>. Бледнеет словарь с утратой и исчезновением тех подробностей, для которых язык когда-то находил достойные их слова, но еще хуже, если утрачивается сама способность понимать и постигать написанное, когда обедненный язык начинает идти на поводу у им же воспитанного читателя» [Битов 2009: 30].

Иллюстрацией обеднения словаря современников может служить эпизод из жизни, рассказанный заместителем председателя Совета Федерации Вячеславом Штыровым: «Недавно прочел в интернете сетования одной молодой мамы. Ее сыну – второкласснику – задали выучить отрывок из стихотворения Пушкина “Осень”. Всего восемь строк. Но уже с первой строчки начались проблемы: пришлось объяснять, что такое “очей очарованье”. Дальше – хуже. Непонятными оказались “увяданье”, потом – “багрец”. А во второй строфе таких “непреодолимых” слов стало еще больше. “В их сенях”, “мглой волнистою”, “отдаленные седой зимы угрозы”. Кое-как отрывок выучили. А на следующий день было плановое родительское собрание. Но оно превратилось в бурное осуждение школы, учителей, самой русской литературы. “Как можно такое задавать детям? – кричали наперебой родители. – Это же нереально выучить!”

Учительница, как могла, объясняла родителям, что в стихотворении ничего сложного нет. Все слова можно легко объяснить, к тому же они есть в словаре в конце учебника. А в том, что дети не понимают и не запоминают, не Пушкин виноват.

Это действительно так: не великий поэт виноват, что его не понимают. А кто? В сообщении о переживаниях второклассников и их родителей молодая мамаша пишет: “*Пока я сидела на собрании, погуглила тренд*”. Вот он и ответ на тревожный вопрос. Сначала отказываемся от родного языка, потом – от отчества, а в конце концов – от Отечества» [Штыров 2013]. В. Штыров справедливо замечает: «Стоит ли удивляться, что в России вырастает поколение, для которого становятся непонятными тексты, написанные Пушкиным, Чеховым, Буниным» [Там же].

Да, язык литературной классики для молодого поколения наших соотечественников стал недоступен, только причина этого не только, а может быть, даже не столько в экспансии английского языка (об иноязычных заимствованиях речь пойдет в следующей главе), сколько в тотальном отлучении молодого (и не только) поколения от национальной культуры в целом, включая литературную классику и ее язык. Последнее проявилось, в частности, в искусственном исключении из культурного оборота Библии и многих литературных произведений православно-христианской направленности.

2.2. О выпадении церковнославянизмов из языкового сознания носителей русского языка

Наиболее заметным является выпадение из языкового сознания молодого поколения библейских образов и символов, воплотившихся во фразеологизмах, крылатых словах и выражениях, которые вошли в русский литературный язык и в плоть наших классических литературных текстов. Между тем А. Ф. Лосев придавал большое значение устойчивым библейским оборотам в культуре русского языка. В уже упоминавшейся статье «Русская философия» он пишет: «Рассудок создает только схемы. Живую связь бытия и его скрытую сущность нельзя постигнуть с их помощью. Только в образах можно достичь истинного познания» [Лосев 1991: 218]. Он обращает наше внимание на Библию как на важнейший источник символов, сочувственно цитируя фрагмент работы В. Ф. Эрнэ «Скворода Г. С. Жизнь и учение»: «Символы Библии “открывают” в нашем грубом практическом разуме второй разум, тонкий, созерцательный, окрыленный, глядящий чистым и светлым оком голубицы. Библия поэтому вечно зеленое плодородное дерево. И плоды этого дерева – тайно образующие символы» [Там же: 219].

На основании результатов устных собеседований со студентами обнаружилось непонимание ими многих библейских цитат, реминисценций и аллюзий, используемых в современных газетах, например, в таких контекстах: ...*Союз пророчествующей церкви с «нищими духом» против сильных и наглых* (ЛГ. 2007. № 47–48); *Что же до комедий, то кто сегодня в них «бросит камень»?* (ЛГ. 2006. № 49); *Получается, Владимир Владимирович применительно к самому Анатолию Борисовичу довел аргументы последнего до абсурда <...>. Вслед за чем и почил в день субботний от трудов праведных, сказав, что это хорошо...* (Завтра. 2006. № 34); *Много званных, но мало избранных* (Завтра. 2007. № 49) – заголовок; *В XX веке мы всем народом взошли на Голгофу...* (Завтра. 2007. № 42); *И все друженько пытаются налить молодое вино революции в старые мехи прежних представлений об общественном устройстве* (Завтра. 2009. № 53). *Вопрос, «что есть истина?» применительно к СМИ, поставленный в дискуссии Александром Мелиховым в статье «Спасительные грезы», просто смешон. Он заявляет: «Что выпускает колбасная фабрика, то и есть колбаса». А я говорю вам: Это вряд ли. Он говорит: «Нет объективных законов мышления – есть физиология деятельности мозга». А я говорю вам: привет Бюхнеру и Молишотту. Это ведь они писали, что мозг выделяет мысль так же, как печень выделяет желчь. Мелихов утверждает: «Нет истины, есть иллюзии». <...> А я говорю вам: русские всегда различали правду-истину и правду-справедливость и очень дорожили именно второй* (ЛГ. 2007. № 17). *Ср. в Нагорной проповеди: Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду». А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду. <...> Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй». А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. <...> Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб». А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую <...>* (Евангелие от Матфея, гл. 5).

Оказывается, что в языковом сознании молодого поколения зияет лакуна, что подтверждают данные пилотажного эксперимента, проведенного со студентами первого курса СФУ (в эксперименте участвовали 102 человека в возрасте 17–20 лет). Студентам были даны 20 фразеологизмов-библейских, используемых в русской классической и современной художественной и публицистической литературе: *петь аллилуйю, аредовы веки, взыскующие града, глас вопиющего в пустыне, каинова печать, альфа и омега, петь Лазаря, бесплодная смоковница, блаженны миротворцы, блудница вавилонская, вавилонский плач, вавилонское столпотворение, бросать камень, валамова ослица, ветхий Адам (человек), вложить персты в язвы,*

выпить чашу до дна, идти на голгофу, гробы повапленные, блудный сын – и предложено составить с каждым фразеологизмом осмысленное высказывание (предложение). Результаты эксперимента показаны в табл. 1.

Таблица 1

Количество правильных ответов из 20 максимально возможных в каждой анкете	Количество студентов
12	1
11	1
10	1
8	3
7	3
6	7
5	6
4	9
3	11
2	18
1	21
0	21

Как видим, только единицы понимают значения хотя бы половины данных фразеологических выражений и могут их правильно использовать. По пятибалльной системе фразеологическая компетенция студентов, вчерашних школьников, равна 0,17 балла.

С результатом такого эксперимента соотносимы показания фразеологических словарей русского языка, например «Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов» К. М. Дубровиной [Дубровина 2010]. Автор этого словаря справедливо замечает, что «судьба библейской фразеологии русского языка довольно драматична. В православно-христианской России изучение Закона Божьего было обязательным во всех русскоязычных учебных заведениях. Поэтому не только высокообразованные, но и просто грамотные люди (например, учившиеся в сельских приходских школах) хорошо знали многие библейские притчи, изречения, афоризмы. Русская интеллигенция была буквально “пропитана” библеизмами, широкое распространение которых в русском языке может быть подтверждено многочисленными примерами из художественных, публицистических и эпистолярных произведений.

Будучи весьма распространенной во всех сферах русской речи до 1917 года, библейская фразеология значительно сократилась в объеме и утратила былую употребительность за годы советской власти, когда Библия находилась под запретом. <...> Естественно, что подавляющее большинство людей, родившихся и живших в советскую эпоху и получивших атеистическое воспитание и образование, не было знакомо с книгами Священного Писания» [Там же: 7–8].

Драматизм ситуации еще и в том, что в так называемое постсоветское время Священное Писание так и не допущено в школу не только в виде Закона Божьего, но и в качестве компонента светского филологического образования хотя бы в рамках программ по изучению русского языка и литературы. Поэтому неудивительно, что в языковом сознании нескольких поколений большей части нашего народа библейский компонент отсутствует.

Вернемся к показаниям словаря К. М. Дубровиной. Из 538 фразеологических единиц устаревшими признаны 119. Все они иллюстрированы примерами из художественной литературы и публицистики. Для большей показательности мы взяли только те фразеологизмы с пометой «устар.», которые снабжены тремя и более речевыми иллюстрациями из русской худо-

жественной литературы и публицистики (в том числе – современной). Таких фразеологизмов 49. Вот примеры некоторых из них:

- **Во время оно** [**во времена оны**]: примеры из произведений В. В. Жукова, В. В. Крестовского, М. Ю. Лермонтова, Д. В. Григоровича, П. И. Мельникова-Печерского, Ю. С. Крымова, Н. С. Лескова, А. П. Чехова (два), Ф. М. Достоевского.

- **Возвышать** [**возвысить**] **голос**: примеры из произведений М. Ю. Лермонтова, В. Г. Короленко, Ю. Н. Лебединского, газеты «Сегодня».

- **Все в руце Божией**: примеры из произведений В. Ф. Тендрякова, Ю. П. Германа, В. С. Шефнера, газеты «Правда».

- **Геенна огненная**: примеры из произведений П. И. Мельникова-Печерского (два), А. П. Чехова, И. И. Гарина, Ю. П. Германа, В. Еременко, В. Славянина, А. Н. Островского, газет «Трибуна» и «Правда».

- **Гроб повапленный** [**гробы повапленные**]: примеры из произведений В. Г. Белинского, Г. И. Успенского, В. И. Ленина, М. Ю. Лермонтова, Н. Карташева, газет «Петербургский Час Пик» и «Итоги».

- **Египетская работа** [**египетский труд**]: примеры из произведений С.Т. Аксакова, А. А. Марлинского, А. П. Чехова (два), Ф. А. Абрамова.

- **Как птица небесная** [**Божия**]: примеры из произведений М. Ю. Лермонтова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. Д. Телешова, Н. С. Лескова.

- **Медь звенящая, кимвал бряцающий** [**звенящий, звучащий**]: примеры из произведений В. Г. Белинского, В. А. Жуковского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. С. Пушкина, Ив. Иванова, В. В. Ерофеева.

- **Ныне отпускаеши**: примеры из произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина (три), А. И. Герцена, В. В. Маяковского, В. В. Ерофеева.

- **Грех тебя** [**меня, его, ее, нас, вас, их**] **возьми** [**побери, дери, подери**]: примеры из произведений А. С. Грибоедова, А. Ф. Писемского (два), М. А. Шолохова.

- **Раб Божий** [**раба Божья**]: примеры из произведений А. С. Пушкина (два), И. Шульженко, М. Е. Салтыкова-Щедрина, П. А. Вяземского, журнала «Огонек».

- **Хамово отродье** [**племя**]: примеры из произведений А. Ф. Писемского, И. С. Тургенева, А. И. Эртеля, А. П. Чехова, А. С. Грибоедова, К. Г. Паустовского.

- **Чающие движения воды**: примеры из произведений В. Г. Белинского, М. Ю. Лермонтова, А. М. Герцена, М. Е. Салтыкова-Щедрина (два), В. В. Стасова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. А. Соколова.

Особенно удивляет отнесение к устаревшим фразеологизма «Ныне отпускаеши», который известен миллионам верующих как начало «Песни Симеона Богоприимца», вошедшей в состав молитв всех основных христианских церквей: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ...». Важно также отметить, что помету «устар.» в этом словаре получают главным образом фразеологизмы, имеющие в своем составе церковнославянскую лексику и/или грамматические формы, а также то, что в состав устаревших фразеологизмов попали такие прецедентные высказывания, как «заповеди блаженства», составляющие суть учения Иисуса Христа: «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему [подставь ему] и другую [и левую]; Блаженны миротворцы, <ибо они будут наречены сынами Божиими>; Блаженны нищие духом, <ибо их есть Царство Небесное>» [От Матфея святое... 1991].

Трудно представить, что люди, владеющие полнофункциональной (элитарной) речевой культурой, не знают и не употребляют упомянутых выше фразеологизмов. Скорее всего, помета «устар.» часто (в том числе и в данном случае) является показателем деградации языкового сознания большей (скорее всего – бóльшей) части русскоязычного социума, а также свидетельством недооценки категории полнофункциональной речевой культуры как ориентира в деле повышения языковой и речевой культуры общества.

Спрашивается, почему такие фразеологизмы считаются устаревшими? В указанном словаре пояснений на этот счет нет. Повидимому, понятие «устаревшей» языковой единицы ориентировано не на высококультурную часть социума, т. е. на представителей полнофункциональной речевой культуры, а на носителей ее низших страт, которые, как пишут В. Е. Гольдин и О. Б. Сиротина, все «в большей или меньшей степени “ущербны” с точки зрения возможностей полноценного и творческого использования языка» [Гольдин, Сиротина 1997: 414].

Обнаруженная фразеологическая лакуна в языковом сознании молодежи объясняет одну из причин, почему это поколение не читает классическую литературу: язык этой литературы для нынешнего молодого поколения стал чужим и малопонятным, причем в области не только фразеологии, но и книжной лексики в целом. Об этом свидетельствует следующий эксперимент, в котором участвовало 106 студентов первого курса институтов гуманитарного профиля. Студентам было дано задание составить осмысленные высказывания с десятью словами и выражениями из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (книга 5, глава «Великий инквизитор»): *горние силы, пред престолом Божиим, в конце времен, аутодафе (автодафе у Достоевского), небытие, пренебречь хлебом земным для небесного, вытерпеть крест свой, акриды, всемирность соединения людей, антропофагия*. Результаты эксперимента отражены в табл. 2.

Всего было получено 285 правильных ответов из 1060 возможных, что составляет 26,9 %. В пересчете на пятибалльную систему – 1,3 балла, что соотносится с результатами первого эксперимента.

Таблица 2

Слова и выражения	Количество высказываний с правильно употребленными словами и выражениями
<i>горние силы</i>	13
<i>пред престолом Божиим</i>	58
<i>в конце времен</i>	24
<i>аутодафе (автодафе)</i>	2
<i>небытие</i>	41
<i>пренебречь хлебом земным для небесного</i>	56
<i>вытерпеть крест свой</i>	62
<i>акриды</i>	0
<i>всемирность соединения людей</i>	28
<i>антропофагия</i>	1

Отметим, что дело не только в языке как таковом; очень много библейских легенд, образов, сюжетов стало основой неисчислимого количества произведений светской европейской культуры: литературы, изобразительного искусства, музыки, – без знания которых не может быть культурного человека.

2.3. О сокращении лексического фонда выражения эмоций

Немаловажное место в общем контексте лингвоэкологии должно принадлежать изучению вербализации эмоций, что также получает философское обоснование: «Часто язык отождествляют с разумом или подлинным источником разума. Но такое определение, как легко заметить, не покрывает все поле. Это *pars pro toto*; оно предлагает нам часть вместо целого. Ведь наряду с концептуальным языком существует эмоциональный язык, наряду с логическим или научным языком существует язык поэтического воображения» [Кассирер 1988: 30]. Между тем в сфере осмысления и языкового выражения эмоций обнаруживаются существенные пробелы.

По сути дела об этом пишет Конрад Лоренц в статье «Восемь смертных грехов цивилизации» [Лоренц 1998: 59]. Одним из восьми «грехов цивилизации» Лоренц считает «исчезновение всех сильных чувств и аффектов вследствие изнеженности». Он пишет: «Развитие техники и фармакологии порождает возрастающую нетерпимость ко всему, что вызывает малейшее неудовольствие. Тем самым исчезает способность человека переживать радость, которая дается лишь ценой напряженных усилий при преодолении препятствий. Волны страдания и работы, сменяющие друг друга по воле природы, спадают, превращаясь в незаметную зыбь невыносимой скуки» [Там же]. Еще более определенно на эту тему высказывается Эрих Фромм: «Не более и не менее как Чарльз Дарвин предупреждал о тех трагических последствиях, которые может принести человечеству отчужденный, чисто научный интеллект. В автобиографии он писал <...>: “Мне кажется, что мой разум превратился в своеобразную машину, которая из массы данных и связей выбирает лишь общие закономерности... Утрата интереса к искусству – это утрата счастья, от которой страдает, возможно, и интеллект, а уж вне всякого сомнения – моральная сторона личности, ибо ослабляется эмоциональная сторона нашей натуры” (Дарвин 1957. С. 148). Процесс, описанный Дарвином, в наше время происходит в невероятно ускоренном темпе; отрыв интеллекта от сердца наблюдается почти повсеместно» [Фромм 2012: 229].

Свидетельством процесса «дистрофии мира эмоций» у «рыночной личности» может служить, в частности, мини-эксперимент, в котором участвовали в качестве экспертов 20 человек с высшим филологическим образованием – магистранты, аспиранты и молодые преподаватели филологического отделения Института филологии и языковой коммуникации СФУ. Респондентам было предложено 120 слов, обозначающих эмоции и эмоциональные состояния, взятые из монографии Е. П. Ильина «Эмоции и чувства» [Ильин 2001], с заданием распределить эти слова по трем рубрикам: часто употребляемые, редко употребляемые и вовсе не употребляемые – с учетом языковых предпочтений респондентов и их социального и профессионального окружения. При обработке анкет существенными считались только те количественные показатели, которые предъявлены не менее чем 50 % респондентов.

Результат эксперимента таков: 44 слова из 120 (то есть 36,7 %) оценены суммарно как редко употребляемые или не употребляемые вообще. Стилистически эти слова характеризуются следующим образом (с учетом стилистических помет в [Толковый словарь... 2011]). Слов стилистически нейтральных – 31: *возгордиться, возненавидеть, добросердечный, краткий, ликовать, млеть, мука, негодование, неистовствовать, неприязнь, неудовольствие, ожествлять, ожесточение, озлобиться, почтение, перевозноситься, предубеждение, преклонение, робеть, разобидеться, рассвирепеть, расстрогаться, скорбеть* (устаревшим и высоким считается в указанном словаре употребление этого глагола с предложно-именным сочетанием «по комчем»), *сокрушаться* (считается разговорным употребление этого глагола с союзом «что»), *смирение, смягчиться, умиление, упоение, уныние, устыдиться, хандра*. Слов с пометой «разг.» – 4: *взорваться, жалостливый, обозлиться, расчувствоваться*. С поме-

той «книжн.» – 4: *благожелательный, благосклонный, одухотворенный, экстаз*. С пометой «высок.» – 2: *благоговение, гордыня*. С пометой «устар.» – 1: *приянь*. Слово «кручиниться» охарактеризовано в словаре как принадлежащее «народной словесности». Слово «эмпатия» в указанном словаре отсутствует и толкуется в терминологических словарях (см., напр. [Большой психологический... 2003: 625; Стариченок 2008: 710]).

Конечно, интерпретировать этот результат как свидетельство того, что эти слова отсутствуют в языковом сознании участников эксперимента, нет достаточных оснований. Тем не менее можно сделать вывод о том, что эти слова и соответствующие им понятия находятся не в актуализированной сфере языкового сознания, а в его пассивной части. Оценка этого факта относится к компетенции экологии речи, однако при длительном существовании этой, по сути, негативной тенденции она может стать предметом экологии языка (о разграничении понятий «экология речи» и «экология языка» см. в Главе 1).

Указание на одну из причин возникновения рассматриваемой проблемы содержится в книге Э. Фромма «Иметь или быть?»: «Высшей целью рыночной личности является полнейшее приспособление к требованиям рынка. Человек этого типа больше *не имеет своего эго* (курсив Фромма. – А. С.). <...> Ибо он меняет свое *я* постоянно, исходя из принципа: “Я таков, каким ты хочешь меня купить”. <...> Рыночная личность не умеет любить и ненавидеть. Эти “старомодные” чувства не умещаются в ее структуру, которая функционирует исключительно на рассудочном уровне и поэтому избегает как положительных, так и отрицательных эмоций. <...> Преобладание механического, манипулятивного мышления сопровождается атрофией мира эмоций. Поскольку считается, что чувства не помогают, а скорее препятствуют оптимальному функционированию системы, сфера чувств не развивается и остается на инфантильном уровне. **Вследствие этого “рыночная личность” отличается удивительной наивностью в области чувств**» (выделено мной. – А. С.) [Фромм 2012: 225–230]. Говорит философия и о том, как важно человечеству сохранить способность к эмоциональным переживаниям, чтобы не превратиться в роботоподобных существ: «Наши эмоции и наши чувства как раз и являются той последней оставшейся в нас территорией человеческого, зияние которого будет свидетельствовать о наступившей ночи мира. Этот скудный остаток человеческого существования хочет забрать у нас XXI век. Быть романтиком в XXI веке значит защищать эту территорию вопреки всему фактическому, вопреки логике, полагаясь на силу абсурда» [Гиренко 2013].

Следовательно, логично предположить, что в обществе рыночных личностей, бедных эмоционально, не могут успешно развиваться те сферы и стили языка, в которых органично востребован мир тонких и высоких эмоций, а именно поэзия высокого пафоса и высокие стили и жанры прозы. Что мы и имеем в сегодняшней российской действительности.

Ситуация описанных выше лексико-фразеологических утрат зафиксирована лингвистами-русистами. Так, В. С. Елистратов замечает: «На какое-то время создается ощущение, что общество и нация теряют ценностные и нравственные ориентиры **и соответственно язык – ориентацию в поле стилей. “Высокое” и “низкое” легко меняются местами**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.